

М.М.БЕНЦИАНОВ

ДЕТИ БОЯРСКИЕ “НАУГОРОДСКИЕ ПОМЕЩИКИ”. НОВГОРОДСКАЯ СЛУЖИЛАЯ КОРПОРАЦИЯ В КОНЦЕ XV — СЕРЕДИНЕ XVI В.

Новгородская земля всегда занимала особое место среди других русских княжеств. В эпоху своего расцвета Господин Великий Новгород распоряжался обширными территориями, принимал активное участие в международной балтийской торговле, самостоятельно выбирал своих князей. Такое положение сохранялось вплоть до 70-х гг. XV в. После роковой Шелонской битвы Новгород признал себя “отчиною” московских князей, а после похода 1478 г. Новгородская республика навсегда перестала существовать.

Завоевание Новгорода стало важной вехой в деле создания единого Русского государства, и великокняжеская власть не желала считаться с порядками, доставшимися ей в наследство от времен ненавистной вечевой вольности. Иван III на переговорах с новгородскими послами четко сформулировал свои требования к поверженной республике: “Хотим государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как нашо государство в Низовской земли, на Москве”. В результате в Новгороде навсегда исчезло вече. Место новгородских князей, посадников, тысяцких заняли назначаемые из Москвы наместники, дворцовые, дьяки. Мятежное новгородское боярство лишилось своих вотчин и было переселено в центральные уезды страны. На конфискованных у них землях были испомещены сотни безземельных московских служилых людей (в широком смысле этого понятия, включающим в себя служилых людей из подчиненных Москве территорий), по подсчетам Г.В.Абрамовича, всего более 1300 человек. Казалось, прежние новгородские традиции были уничтожены раз и навсегда, и Новгородская земля прочно вошла в состав нового централизованного государства¹.

Однако исследователи XVI в. обнаруживают совершенно другую картину. По признанию А.А.Зиминой, в середине XVI в. Новгород превращается в крупный феодальный центр, становится союзником старших князей и потенциальным сторонником Литвы².

Наибольшие трудности вызывает вопрос о причинах обособленности новгородской служилой корпорации. Почти все исследователи сходятся во мнении, что массовые поместные раздачи конца XV в. реально укрепляли в Новгороде влияние московского правительства. Исследования С. Б. Веселовского, Ю. Г. Алексеева, Г. В. Абрамовича убедительно показывают, что новгородскими помещиками чаще всего ста-

новились выходцы из старинных московских родов, нередко связанных с великокняжеским двором, которые по своему социальному облику почти не отличались от служилых людей из других уездов³. Наоборот, поместная служба обеспечивала большую степень зависимости от великого князя и, соответственно, должна была вызывать большую верность у облагодетельствованных помещиков. Тем не менее, новгородские дети боярские, похоже, опровергают общее правило.

В XVI в. новгородские служилые люди отличаются исключительной корпоративной обособленностью и вызывают недоверие у московского правительства. Формально наиболее родовитые из новгородских помещиков в силу своего происхождения от дворовых детей боярских входили в состав великокняжеского двора, однако в действительности вплоть до тысячной реформы 1550 г. они практически не привлекались к придворной службе. Редкие упоминания новгородских помещиков в разрядных книгах относятся к границам собственно Новгородской земли. А.А.Зимин справедливо заметил, что новгородские ветви некоторых известных родов московской аристократии тянут их вниз и не дают им возможности уверенно продвигаться по лестнице чинов⁴.

Чтобы объяснить эту разительную перемену, необходимо тщательно проанализировать особенности в положении и внутренней структуре новгородской служилой корпорации, начиная от момента возникновения этой корпорации в конце XV в. и до середины XVI в., когда на повестку дня был поставлен вопрос о ликвидации её обособленного положения.

В конце XV в. в Московском государстве впервые начинают практиковаться широкомасштабные поместные раздачи, в результате которых появилась новая многочисленная категория служилых людей, напрямую связанных с великокняжеской службой. Новгородская земля была не единственным местом для наделения поместьями, однако здесь эта практика приобрела наибольший размах. Как показал Г.В.Абрамович, процесс поместных раздач в Великом Новгороде можно разделить на четыре этапа: 1) 1476–1484 гг.; 2) 1484–1489 гг.; 3) 1489 — конец 90-х гг. XV в.; 4) конец 90-х гг. XV в. — начало XVI в.

Наиболее внушительными по своим масштабам были поместные раздачи на втором и третьем этапах, которые окончательно покончили с землевладением новгородского боярства. Сами “крамольные” новгородские бояре, житьи и купцы, несмотря на данные им обещания, были “выведены” и испомещены в центральных уездах страны. Часть прежних вотчин попала в разряд оброчных земель, остальные перешли к московским служилым людям⁵.

Великий Новгород имел исключительное политическое и стратегическое значение, которое только усилилось после оформления анти-

московской коалиции из Великого княжества Литовского и Ливонского Ордена. Для того чтобы навсегда удержать завоеванную Новгородскую землю в составе Русского государства, необходимо было постоянно содержать здесь значительные воинские силы. С другой стороны, перспективы европейской торговли требовали появления московских купцов в Новгороде. Все это было необходимо создать в предельно сжатые сроки.

При решении этой важнейшей проблемы московское правительство столкнулось с острой нехваткой кадров. Коренных новгородцев было выселено слишком много для того, чтобы быстро найти им равноценную замену. Собственная рать из новгородских детей боярских была сформирована не ранее 1493 г. и довольно долгое время не могла справляться со своими прямыми обязанностями. Еще в 1503 г., в разгар русско-ливонской войны, московскому правительству пришлось прибегнуть к помощи отдаленных устюжского и двинского ополчений, чтобы «стеретчи Иванагорода от немец»⁶.

Для этого было достаточно простое объяснение. В конце XV в. поместная система находилась еще в процессе своего становления. Новгородский опыт был первым примером крупных поместных раздач, что само по себе должно было вызывать определенное недоверие у служилых людей. Соответственно, московские дети боярские, которые начали получать в большом числе поместья в Новгородской земле после 1489 г., не спешили перебираться на новое место. Такое же нежелание проявляли и виднейшие московские купцы. В какой-то мере это было связано с тем, что поместное землевладение имело некоторые особенности.

В.Б.Кобрин доказал, что первоначально поместья почти не отличались от вотчин в юридическом плане. Единственное отличие состояло в принципе неотчуждаемости поместья из рук владельца по его собственной инициативе. Поместья нельзя было дарить, продавать, отдавать в монастырь. Альтернативой поместью в это время выступали жалованные вотчины, также предусматривающие обязательную службу. Реальное различие между ними лежало не в юридическом, а, скорее, в финансовом плане. Жалованные вотчины, дававшиеся за какие-либо заслуги по службе, подкреплялись соответствующими тарханскими грамотами, уменьшавшими количество взимаемых с земли податей и повинностей. Поместья же вели свое происхождение от условных земельных владений дворцовых слуг удельного времени и не обладали подобными привилегиями, что значительно снижало их ценность⁷.

Вполне вероятно, что в Новгородской земле первоначально были распространены обе эти формы землевладения. Жалованные вотчины были распространены, в частности, в Бежецкой пятине, примыкавшей к собственно московским владениям. Их владельцами стали предста-

вители московской аристократии. Позднее, однако, в Новгородской земле возобладала поместная форма землевладения, которая была более приемлемой для великокняжеской власти. Вотчинами в Новгородской земле продолжали владеть своеземцы (мелкие новгородские вотчинники, сохранившие свои владения при земельных конфискациях), монастыри и архиепископская кафедра. Из представителей московской знати вотчины остались только у В.З.Ляцкого-Кошкина и у И.А.Колычева. Эти вотчины были получены ими в приданое за новгородскими боярышнями и не рассматривались как жалованные⁸.

На первом этапе поместных раздач новгородскими помещиками стали безземельные дети боярские и бывшие дворцовые слуги, которые, переселяясь на новое место, не предъявляли каких-то особых требований. Среди них были хлебники, ключники, дьяки и подьячие, которые должны были обслуживать хозяйство великого князя в Новгороде. Вполне вероятно, что поместья, которыми они владели здесь, почти не отличались от кормлений. Это, несомненно, накладывало свой отпечаток на дальнейшее становление поместной системы в Новгородской земле⁹.

Как видно из новгородских писцовых книг конца XV в., со всех новгородских поместий великому князю продолжала поступать “дань великого князя и обежная”. Если крестьяне были не в состоянии выплачивать ее, это финансовое бремя ложилось на плечи самого помещика. Поместье могло быть отобрано не только из-за неявки на службу, но также и в случае разорительного ведения хозяйства помещиком. Иногда в пользу местных великокняжеских ключников шли специальные поборы, установленные во времена новгородской независимости. С этим пережитком новгородской старины великокняжеская власть мирилась вполне охотно. Самому помещику оставался только “денежный, хлебный и мелкий доход” с его собственного поместья. Подобный принцип взимания поборов давал о себе знать уже в начале XVI в. В это время к Дворцу великого князя были отписаны деревни, пожалованные в поместье Андрею Мякинину, поскольку “писец Матвей Валуев положил на те деревни оброк тяжел, и иные деревни с того оброку запустели”. Позднее, в середине XVI в., одной из главных причин “запустения” поместий были именно тяжелые государственные подати. Новгородские помещики выплачивали ямские, приметные, полонянничные деньги, оплачивали посошный корм и городовое дело и участвовали в мелких городских разметах¹⁰.

На втором этапе поместных раздач в качестве награды за завоевание Новгорода поместья (и, одновременно, жалованные вотчины) здесь получил целый ряд представителей первостатейной московской боярской и княжеской аристократии. Все они, однако, редко посещали свои новые владения. Их служба была связана с Боярской Думой и великок-

няжеским двором. В Новгороде они бывали только по долгу службы, когда им приходилось выполнять здесь обязанности наместников и воевод или сопровождать великого князя в его поездках в “новгородскую отчину”. Постоянной службы вместе с новгородскими детьми боярскими они не несли. Имея обширные вотчины в центре страны, нуждавшиеся в хозяйственном присмотре, представители знати могли позволить себе игнорировать пожалованные им новгородские вотчины и поместья без ущерба для своей дальнейшей служебной карьеры. В Новгороде надолго закреплялись только младшие представители этих родов, обделенные при разделе родовых вотчин.

Вряд ли это входило в планы великокняжеской власти, которая не получала необходимых ей служилых людей. В результате целенаправленной политики Василия III, в то время великого князя Новгородского и Псковского, большинство представителей знати потеряло свои новгородские владения. Конфискованные у них земли пошли в новые поместные раздачи. Интересно отметить, что в ходе этих новых земельных раздач поместья получили мелкие безземельные служилые князья, которые, очевидно, должны были заменить собой представителей московской знати на постах воевод новгородской рати. Среди них были князья Корецкие, Мышецкие, Кропоткины, Путятины и некоторые татарские новокрещены, подобные князю Б.Тебет Улановичу. Все они в дальнейшем были тесно связаны с новгородской служилой корпорацией¹¹.

Всего Г.В.Абрамовичу удалось насчитать 42 случая подобных земельных раздач. Возможно, на это решение повлияла также и политическая борьба конца XV в., в которой большая часть представителей знати поддерживала соперника Василия Ивановича — Дмитрия Внука. Ясно, по крайней мере, что князья И.Ю.Патрикеев, его сын В.Косой и С.И.Молодой Ряполовский лишились новгородских владений после опалы 1499 г.¹²

Наиболее масштабные поместные раздачи были проведены на третьем этапе. В это время великокняжеская власть поставила перед собой цель полностью заменить выселенных новгородских землевладельцев московскими служилыми людьми и создать на их основе самостоятельную воинскую силу, которая могла бы успешно проводить в жизнь завоевательные планы Ивана III в отношении Великого княжества Литовского. Поместные раздачи этого периода проводились большей частью в условиях уже начавшейся русско-литовской войны и демонстрировали собой явную спешку московского правительства. Получаемые служилыми людьми поместья страдали от разорванности и клочковатости, что затрудняло ведение на них полноценного хозяйства¹³. Не менее разнородным был в это время и состав помещиков.

Нехватка людей заставляла Ивана III предпринимать самые реше-

тельные действия. Великокняжеская власть не стала менять сложившиеся принципы поместной службы, что будет сделано позднее. Вместо этого проблема решалась с помощью принудительных переселений. Московское правительство не стало церемониться с купцами-сурожанами. У них были просто отобраны приобретенные ранее подмосковные вотчины, а сами они “противу их земель московских” получили вотчины и поместья в Новгородской земле. Благодаря этому в Новгороде оказались Ф. и Г. Саларевы, И. Сырков, В. и Н. Таракановы, Ф. Л. Трепарев, впоследствии известные благодаря своей активной деятельности¹⁴.

По всей видимости, такая же судьба постигла и мелких служилых князей. Незадолго до 1483 г. потеряло свою номинальную независимость крохотное Елецкое княжество. В договоре Ивана III и рязанского великого князя Ивана Васильевича “Елец и вся Елецкая места” признавались “отчиною” московских князей. Елец упоминается также и в завещании Ивана III. Сами князья Елецкие после этого оказались на поместьях в Новгороде, Боровске и Переяславле-Залесском¹⁵.

То же dokonчание 1483 г. окончательно предопределило участь князей Мещерских: “А что наши (московских князей — М. Б.) князи мещерские, которые живут в Мещере и у нас у великих князей, и тебе (Ивану Рязанскому — М. Б.) их к собе не примати. А побегат от нас, и тебе их добывати нам без хитрости, а добыв ти их нам выдати”. В духовной грамоте Ивана III князья Мещерские уже не упоминаются. Видимо, они были выселены из Мещеры. Мещера по этому завещанию передается наследнику, будущему Василию III. Сами князья Мещерские оказались в Боровске и в “гостеприимном” Новгороде¹⁶.

Отзвуки подобного переселения можно обнаружить и в родословии князей Мышецких, владевших до конца XV в. крохотным княжеством близ Тарусы. В родословной росписи этого рода было сказано: “Князь Иван Мышецкий сослан в Новгород 6996 году, а вотчину великий князь взял на себя; и которые иные роды в Новгород ведены, то указано в верстальной книге”. Несмотря на явное неправдоподобие указанной даты, сам факт принудительного переселения князей Мышецких в Новгородскую землю вполне мог иметь место. В завещании Ивана III Мышега, родовое владение князей Мышецких, также передавалась Василию III¹⁷.

Между 1489 и 1491 гг. великий князь обменял огромную новгородскую вотчину волости Демон и Мореву (на правах служилого княжества) князя Ф. И. Бельского на поволжский городок Лух. Если в своих бывших новгородских владениях этот служилый князь был единственным землевладельцем и мог свободно жаловать земли выехавшим вместе с ним из Великого княжества Литовского слугам, то в районе Луха уже существовало развитое вотчинное землевладение местных детей

боярских. Очевидно, он должен был получить равноценное возмещение, поскольку сам обмен не был следствием опалой. С этой целью в Бежецкую пятину (возможно, также и в другие пятины) были переселены почти все, в том числе и мельчайшие, бывшие луховские землевладельцы, получившие поместья в обмен на свои прежние вотчины. В земляном списке Бежецкой пятины фигурирует по крайней мере 19 служилых людей из Луха. В действительности их могло быть гораздо больше. Только этим обстоятельством можно объяснить непропорционально большое количество новгородских помещиков, происходивших из этого небольшого поволжского городка¹⁸.

Подобным же образом объясняли позднее свое появление в Новгороде Вышеславцевы и Благие. Предок новгородских помещиков Вышеславцевых был переведен служить в Новгород из Суздаля. При этом Вышеславцевы, признавая общую худородность новгородских помещиков, сочли нужным уточнить, что “из Суздаля и из иных городов переведены служить в Великий Новгород и во Псков, и в Бежецкой Верх, и в Мещеру многие честные роды”. Родоначальника же рода Благих Никиту “князь великий сослал в Новгород”. Проверить правдоподобность этих родословных легенд невозможно, однако многие исследователи отмечают, что многие из новгородских помещиков переселились из центральных уездов страны целыми семьями и фамилиями. Подобные переселения трудно объяснить нехваткой земли, толкавшей, по мнению большинства исследователей, служилых людей в Новгородскую землю¹⁹.

Для некоторых помещиков Новгородская земля стала местом своеобразной политической ссылки. На новгородских поместьях были размещены ярославские князья А., Ф., И., В., Г. и А.А.Шемякины-Шаховские. Их отец был боярином удельного князя Андрея Углицкого, “поиманного” Иваном III в 1491 г. Вполне вероятно, что князья Шаховские, служившие этому князю, оказались в Новгороде именно после данного события. На всех шестерых братья князья Шаховские получили всего только 113 обож. Это — оклад рядовых служилых людей²⁰.

После неудачного заговора Владимира Гусева новгородское поместье получил родной брат казненного Щавая Скрыбина Травина Иосиф Тимофеев. Он также получил минимальный поместный оклад, явно не соответствующий его положению дворового сына боярского, что было следствием опалы. Из-за сходства фамилии некоторые исследователи принимали его даже за одного из послужильцев М.Я. Русалки Морозова. Эта история закончилась тем, что почти сразу же после получения своего новгородского поместья (еще до 1500 г.) Иосиф Скрыбин Травин покинул его и постригся в монахи²¹.

С другой стороны, опала князей И.Ю.Патрикеева с сыновьями и С.И.Ряполовского в 1499 г. также имела свои последствия в Новгороде-

ской земле. Именно после этой опалы, в том же 1499 г., в Новгороде оказались некоторые купцы-сурожане. О московском купце-сурожанине В.Тараканове в тексте писцовой книги Деревской пятины сохранилась характерная помета: “7007” (1499 г.), свидетельствующая о времени его появлении в Новгороде. Можно заметить, что он оказался в Новгороде как раз после опалы князей Патрикеевых и Ряполовского. Московские купцы-сурожане имели давние связи с семьей московского наместника князя И.Ю.Патрикеева, который был женат на дочери В.Г.Ховрина, “гостя и боярина великого князя”, и, очевидно, вместе с ним были подвергнуты опале²².

Таким образом, задолго до известного казанского переселения Ивана IV великокняжеская власть использовала для своих целей насильственные методы колонизации завоеванных территорий. Трудно сказать, какую часть новгородской служилой корпорации составили опальные или невольные переселенцы. Вероятно, все же значительная часть новгородских помещиков добровольно переселилась на новое место службы, однако элемент оппозиционности изначально омрачал отношения между этой служилой корпорацией и московским правительством. Интересно отметить, что в дальнейшем, в XVI в., при присоединении новых земель и княжеств к Русскому государству, “выводы” прежних бояр-землевладельцев уже не носили такого массового характера. Практически полностью сохранили свои вотчины в бывшем Рязанской княжестве бояре и дети боярские рязанских князей. Подобным образом обстояло дело и в отвоеванной у Великого княжества Литовского Смоленской земле, где крупномасштабные поместные раздачи московским служилым людям начались только в 60–70-е гг. XVI в. Очевидно, московское правительство сумело извлечь уроки из первого опыта массовых поместных раздач.

Другую часть новгородских помещиков составили послужильцы. Среди послужильцев, получивших поместья в Новгородской земле, были бывшие слуги новгородских бояр, по большей части ставшие помещиками-ивангородцами, и слуги великокняжеских князей и бояр. Последние попали в Новгородскую землю вместе с представителями московской аристократии. Дело в том, что многие московские князья и бояре отдавали часть новых новгородских владений холопам-послужильцам, чаще всего происходившим из старинных родов вотчинников центра страны. В частности, такие случаи известны в поместьях князей Пужбольских-Ростовских и в поместье М.Я.Русалки Морозова, чьи послужильцы упоминаются в так называемой “Поганой книге”. Между такими слугами и полноправными детьми боярскими существовала довольно зыбкая грань. В.Бореев, человек М.Я.Русалки Морозова, и И.Хруль, человек князя С.И.Пужбольского, не только распоряжались отданными им частями поместий своих господ, но и

имели там своих собственных людей²³. Видимо, подобным образом развивалось ипомещение бывших послужильцев московской знати, постепенно терявшей владения в Новгородской земле.

В нашей исторической литературе этот процесс обычно приурочивается к опале или даже к серии опал, произошедшей около 1483 г. Опала, якобы, привела к роспуску дворов некоторых князей и бояр, а их бывшие послужильцы получили от великого князя поместья в Новгороде и были записаны в “Поганую книгу”. Говорить о роспуске дворов можно лишь с большой долей условности. После 1483 г. мнимые опальные были окружены десятками боевых холопов. Еще большие сомнения вызывает попытка найти объяснение этого ипомещения в конфликте Ивана III с московским боярством. Исследователи потерпели неудачу, пытаясь обнаружить следы опалы, упомянутых в “Поганой книге” лиц²⁴.

Действительно, во время “стояния на Угре” В. и И.Б.Тучки Морозовы говорили Ивану III “многая поносная и укоризненная словеса”, за что и поплатились в 1485 г. Князья И.Ю.Патрикеев и С.И.Ряполовский пострадали в династическом кризисе 1499 г. Когда и по какой причине Иван III опалился на остальных — неизвестно. Впрочем, даже для братьев Морозовых и князя И. Ю. Патрикеева время действительной опалы не соотносится со временем, когда их послужильцы уже были связаны с Новгородской землей. Еще в конце 70-х гг. XV в. поместьем или кормлением (без упоминания самого термина) был пожалован Хомутов, представитель фамилии, известной среди послужильцев И. и В.Б.Морозовых, Это произошло задолго до возможной опалы 1483 г.²⁵

В работах Г.В.Абрамовича, специально разбиравшего этот случай, излагаются две различные точки зрения на происхождение Хомутова. В очерке, написанном им в “Аграрной и социальной истории Северо-Запада Руси”, он считал Хомутова послужильцем. Позднее, в своей докторской диссертации, он отошел от этой позиции и защищал версию о происхождении Хомутова из среды рядовых детей боярских. Г. В. Абрамович полагал, что послужильцы И. Б. Тучко Морозова не могли быть ипомещены в Новгородской земле ранее опалы этого боярина, произошедшей в 1485 г.

Действительно, в новгородских писцовых книгах кроме послужильцев Ивана Большого и Ивана Пестрого Васильевых Хомутовых были известны и другие помещики, носившие эту фамилию. В Вотской пятине помещиком был Никита Васильев Хомутов, а в Шелонской — Нечай Хомутов. Однако можно заметить, что, по крайней мере, Никита Васильев Хомутов был родным братом названных послужильцев. Само по себе отсутствие указаний на родство с послужильцами достаточно часто встречается в писцовых книгах и ничего не доказывает. Именно к концу 70-х гг. XV в. относится и новгородская служба братьев Тучко

Морозовых. В.Б.Тучко Морозов в 1476 г. совершал отвод новгородских и новоторжских земель. В 1478 г. они приводили к присяге новгородских бояр, так что пожалование кому-то из них кормления в Новгородской земле, где сидел один из послужильцев, выглядит весьма вероятным. Связь Хомутова с И.Б.Тучко Морозовым кажется тем более вероятной, что в 1482 г., после того как этот боярин выступил в оппозиции великому князю, поместье Хомутова было передано другим лицам²⁶.

Правильность этого предположения доказывается и с помощью некоторых других фактов. В одной из новгородских кабальных грамот конца XV в. упоминается дьяк Василия Борисовича Останка Редров. С полной уверенностью его можно отождествить с послужильцем В.Б.Тучко Морозова Останей Редровым, помещиком Вотской пятины. Очевидно, что этот акт был составлен в конце 70-х гг. XV в., до опалы В.Б.Тучко Морозова, и, следовательно, в это время его послужильцы были связаны с Новгородской землей²⁷.

Предполагаемая опала 1483 г. никак не отразилась на положении князя И. Ю. Патрикеева. До конца своей жизни он оставался московским наместником и “наивышшим воеводой”. В том самом 1483 г. он вел ответственные переговоры с князем Борисом Волоцким о размежевании границ с Волоцким удельным княжеством, а в 1485 г. был воеводой в тверском походе²⁸.

Действительно, в случае с князьями Патрикеевыми и Ряполовским большинство их послужильцев получили свои поместья уже после опалы 1499 г. Однако вполне вероятно, что это были послужильцы, служившие этим князьям в Новгородской земле, и опала 1499 г. просто автоматически перевела их в подчинение непосредственно самому великому князю. Только так можно объяснить отсутствие имен этих послужильцев в духовной грамоте князя И.Ю.Патрикеева, где среди холопов встречаются их явные родственники. В остальных случаях, очевидно, опала была не при чем. Большинство мнимых опальных, записанных в “Поганой книге”, по своей деятельности было связано с Новгородом. Среди них были не только ближайшие сподвижники Ивана III, подобные князю Я.В.Оболенскому, В.Ф.Образцу Симскому, И.И.Салтыку Травину, И.Товаркову, И., В.Б.Тучко Морозовым, М.Я.-Русалке Морозову, но и рядовые новгородские помещики вроде безымянных князей Мещерских, А. Сарыевского и Пушиных-Олуповских. Переяславский вотчинник Абрам Андреев Сарыевский упоминается в завещании А.М.Плещеева. По-видимому, он ничем не выделялся в служебном отношении. Есип Пуца Олуповский известен только тем, что где-то в 70-е гг. XV в. покупал себе холопа в Московском уезде. Князья Мещерские, Сарыевские и Олуповские, скорее всего, попали в “Поганую книгу” по ошибке. Приписываемые А. Сарыевскому послужиль-

цы на самом деле были его потомками. То же самое можно заметить и относительно Олуповских. Муравьевы, единственные послужильцы Олуповских, вполне вероятно, также сами принадлежали к этому роду. Поместья Муравьевых примыкали к поместьям Пушковых-Олуповских, что было характерно для родственников. Муравьевы в XVII в. не считали себя потомками послужильцев. Один из них сам стал инициатором местнического спора, обвиняя других новгородских помещиков — Кашкаровых — в холопьем происхождении²⁹.

Сам перечень послужильцев в “Поганой книге” был составлен уже в XVII в. на основании текста писцовой книги Вотской пятины, и достаточно условен. Наряду с явными послужильцами, в него вошли фамилии, находившиеся в конце XV в. на “государевой” службе. В частности, дмитровские вотчинники Шепяковы в это время входили в состав великокняжеского двора и, конечно, не были чьими-то послужильцами. В Тысячной книге 1550 г. они, в отличие от потомков послужильцев, взятых в число тысячников, были записаны среди дворовых новгородских детей боярских. В выписке по погостам в самой “Поганой книге” Шепяковы не были записаны. Вполне возможно, что их включение в общий перечень послужильцев преследовало определенные местнические цели³⁰.

В XVII в. существовали и другие генеалогические пасквили, касавшиеся новгородского дворянства. Одним из таких пасквилей были легенды о родоприсхождении новгородцев Апрелевых, Нееловых и Гурьевых, содержавшие в себе заведомо ложные сведения³¹.

Великокняжеская власть в Новгороде остро нуждалась в служилых людях. Количество помещиков увеличивалось с помощью простого деления. В конце XV в. в новгородских пятинах редко можно было встретить привычную для более позднего времени картину, когда одним и тем же поместьем владело сразу несколько состоявших на службе взрослых родственников. В это время все они становились владельцами собственных поместий. Видимо, по этой же схеме происходило и испомещение послужильцев³².

Новгородская земля была единственным местом, где поместья получила большая группа бывших холопов. Г.В.Абрамовичу удалось насчитать в новгородских писцовых книгах 173 послужильца, получившего поместья от великого князя. По его подсчетам, в конце 90-х гг. XV в. общее число послужильцев составляло примерно 10,7% от общего числа новгородских помещиков. После опалы князей Патрикеевых и Ряполовского количество послужильцев увеличилось до 13,2%³³. Эти цифры, однако, нуждаются в некоторой корректировке. Г.В.Абрамович на основании “Поганой книги” относил, в частности, к числу послужильцев Иосифа Скрыбина Травина, Скобельциных, Шепяковых, Аврамовых Сарыевских и Муравьевых, которые в дей-

ствительности ими не были. С другой стороны, реальное соотношение должно быть еще больше, учитывая неполноту дошедших до нашего времени писцовых книг и частое отсутствие в них указаний на родство с холопами. Например, в писцовой книге Шелонской пятины нет характерных упоминаний о послужильцах, получивших здесь поместья. Сопоставляя имена помещиков этой пятины с известными именами послужильцев из Вотской пятины, можно расширить наши представления об общем количестве испомещенных в Новгородской земле послужильцах.

В Шелонской пятине Г.В.Абрамович обнаружил всего только одного послужильца — И. Некрасова Назимова, которого он считал сыном Некраса Назимова, бывшего послужильца В.Ф.Образца Симского. Это наблюдение, в действительности, основано на недоразумении. Из писцовой книги Вотской пятины выясняется, что Некрас не принадлежал к фамилии Назимовых, а был братаничем Назима, послужильца В.Ф.Образца Симского. Этот Назим на самом деле известен как В. Назим Костин Толстого и, следовательно, его братанич также должен был принадлежать к фамилии Толстого. В Шелонской пятине поместьями владели именно Назимовы (семь человек), и появление среди них И. Некрасова Назимова было простым совпадением. Сами Назимовы, скорее всего, были бывшими послужильцами новгородского боярина Б. Есипова. Их однофамильцы в Вотской пятине позднее были зачислены в число ивангородцев. Однако в этой пятине поместьями владели также явные родственники других послужильцев московских бояр. Среди них были Некрас Редров (родственник О. Д. Редрова, дядя В.Б.Тучко Морозова), Нечай Хомутов (родственник И. Большого и И. Пестрого В. Хомутовых, послужильцев В.Б.Тучко Морозова), А. и И. Татьянины (родственники С. Мустофы и А. М. Татьяниных, послужильцев А.Шеремета)³⁴.

В Деревской пятине Г.В.Абрамович насчитал 21 бывшего послужильца, из которых восемь принадлежали к числу послужильцев новгородского боярина Ивана Петровича. Трудно определить, кого на самом деле он считал послужильцами, поскольку прямые указания на подобное происхождение встречаются в писцовой книге Деревской пятины всего лишь 14 раз. Среди бывших послужильцев московских князей и бояр были К. Власов и С. Власов Ватазин, “холопов брат”, служившие С.Б.Брюхо Морозову, В. Голова и Ф. Неклюд И. Подушкины, служившие В.Б.Тучко Морозову, И. Пестрик Дмитриев, служивший кому-то из князей Шаховских, и Д. Алексеев, служивший И.В.Ощере Сорокоумову³⁵. Это число можно значительно увеличить, если принять во внимание их родственные связи. Родственниками И. Пестрика Дмитриева были М.Пестрик Дмитриев, М.Лопотов, “Пестриков зять”, А.Татарин, “Пестриков брат”, Ф.Тонкой, “Пестриков брат”.

Родным братом В. Головы и Ф. Неклюда И. Подушкиных был К. И. Подушкин. Вполне вероятно также родство бывших послужильцев новгородского боярина Ивана Петровича В. и И. В.Связевых и помещиков Деревской пятины И.Писка Д. и К.Связевых. Другие имена послужильцев выявляются из сопоставления с писцовой книгой Вотской пятины. Скорее всего, родственником Г. и Л.И.Федосовых, послужильцев А.Шеремета, был Я.Федосов. Огибаловы, послужильцы И.Товаркова, упоминаются в “Поганой книге” в Орлинском погосте, чье описание не сохранилось в дошедшей до нашего времени писцовой книге. Их родственниками в Деревской пятине были С. Кривошея Я. и И. Булат Огибаловы. Всего, таким образом, среди деревских помещиков удастся насчитать 24 бывших послужильца³⁶.

В самой Вотской пятине от внимания “Поганой книги” и Г.В.Абрамовича ускользнули А.Г.Мценянинов и Н.В.Хомутов, приходившиеся, соответственно, родными братьями Ф.Г.Чеботову Мценянинову и И.Большому и И.Пестрому В.Хомутовым, послужильцам братьев Тучко-Морозовых³⁷.

К сожалению, в более или менее полном виде не сохранилась писцовая книга Бежецкой пятины. Согласно дошедшим отрывкам этой писцовой книги и “земляному” списку, здесь были размещены 17 бывших послужильцев новгородских бояр, а также послужильцы воеводы И.Руно Якуш Певцов с детьми Семеном, Климом и Иваном (фамилия этих послужильцев утрачена в источнике) и братья Василий Медведь и Иван Страх “Ашеринские”. В писцовой книге Бежецкой пятины конца 30-х — начала 40-х гг. XVI в. среди помещиков упоминаются родственники уже известных послужильцев из Вотской пятины. Среди них С. Соболев и А. В. Бирилевы, родственники Бирилевых — послужильцев князя С.И.Ряполовского, а также И., Казарин, Тугарин Кобяковы Редовы, родственники послужильцев В.Б. Тучко Морозова. Вполне вероятно, что они попали на свои бежецкие поместья в конце XV в.³⁸

Другим источником для выявления бывших послужильцев среди новгородских помещиков может служить духовная грамота князя И.Ю.Патрикеева, составленная между 1495 и 1499 гг. В этой духовной грамоте упоминаются явные родственники новгородских помещиков. Причем, если некоторые из этих новгородских помещиков давно известны как бывшие послужильцы, то другие не фигурируют в писцовых книгах в этом качестве. Из них всех к концу 90-х гг. XV в. собственным поместьем уже владел только Л. И. Вараксин. Все остальные помещики, в том числе и брат Л. И. Вараксина — Никита, имя которого было приписано к тексту писцовой книги Деревской пятины, получили свои поместья уже после опалы князя И.Ю.Патрикеева. В писцовой книге Вотской пятины конца XV — начала XVI в. упоминается послужилец князя И.Ю.Патрикеева Одинец Шамшов, родственник И. Мятивы и

А., дьяка В. Шамшовых из завещания этого князя. В новгородских писцовых книгах конца 30-х — начала 40-х гг. XVI в. можно обнаружить имена других потомков послужильцев И.Ю.Патрикеева. Очевидно, их предки получили поместья уже после окончания переписи конца 1495–1504 гг., так как их имена не известны соответствующим писцовым книгам этого времени. В писцовой книге Шелонской пятины фигурируют П. и С.В.Тонково Жиборовы, В. и Я. А. Палицины, Б. Т. Пятин, его дети Н., А. и И., а также Б. Ф. Пятин, И. Телехтемиров, Г., Ф. и И. А. Туровы и их дядя Г. Туров. В писцовой книге Бежецкой пятины упоминается целый клан Шамшовых (всего 25 человек), получивших в поместья волость Гостыничи и часть волости Добрыни, а также У. и М.В.Тонково Жиборовы³⁹. Их родственные связи с послужильцами князя И.Ю.Патрикеева можно продемонстрировать с помощью следующей таблицы:

Холопы в духовной князя И.Ю. Патрикеева	Новгородские помещики
Вараксин Тимофей Никитин	Вараксины Никита и Лев Ивановы
Палицин Алексей Васильев	Палицины Василий и Якуш Алексеевы
Пятины Илья Губа, Филя Горяин, Якуш Мордвин Тимофеевы	Пятины Булгак Тимофеев и его дети Никита, Андрей, Илья, Борис Федоров
Телехтемировы Александр и Андрей	Телехтемиров Измаил
Тонкой Жиборов Василий Кузьмин	Тонково Жиборовы Пятой, Семен, Узкой, Михаил Васильевы
Туровы Алексей и Григорий Ивановы	Туровы Федор и Иван Алексеевы и их дядя Григорий
Шамшовы Иван Мятива и Андрей Дьяк Васильевы	Шамшовы Одинец; Приеждий, Богдан, Верещага, Шестой Петровы; Андрей, Третьяк, Истома Рюмины Тороповы, Кирик Торопов, Василий, Иван, Салтык, Ерофей Ивановы; Прокуда, Парамон, Мурат Ильины и Аврам Парамонов; Другой, Третьяк Фотеевы; Айдар Григорьев; Василий Степанов; Ознобиша, Горяин Семеновы; Ширяй Максимов и его дети Федор и Бурнаш

Некоторые из послужильцев этого завещания позднее были известны также как торопецкие помещики. Торопецкая писцовая книга 1540 г. при перечислении “боярских” дворов в городе Торопце называет двор П. Мятивого Шамшова, сына И. Мятивы — холопа

князя И.Ю.Патрикеева, который, подобно большинству торопецких помещиков, скорее всего, перебрался сюда из Новгородской земли⁴⁰.

Еще несколько послужильцев князя И.Ю.Патрикеева позднее служили на восточных окраинах Русского государства. В частности, явными потомками его послужильцев Алешки Мерлеица, Иванца Трубника, Осташа, Федки Трубника, Бориски Скурата и Савы Андреевых Хинских были коломенские и каширские помещики Хинские и Трубниковы-Хинские⁴¹.

Возможно, этот список можно расширить за счет Ачкасовых, Коздавлевых и Щербининых. Некоторые представители этих родов служили князю И.Ю.Патрикееву. Другие продолжали владеть своими вотчинами и находились на великокняжеской службе. Откуда они попали на новгородские поместья — неизвестно⁴².

Испомещение бывших послужильцев в Новгородской земле не закончилось в конце XV — начале XVI в., как полагает большинство исследователей. Тысячная книга 1550 г. упоминает среди новгородских помещиков, взятых в избранную тысячу, Я. М.Сназина, бывшего послужильца фаворита Елены Глинской князя И.Ф.Овчины Телепнева Оболенского, который был известен прежде из русско-литовских посольских книг как слуга этого князя⁴³.

Неудивительно, что в глазах остальных служилых людей новгородские дети боярские выглядели худородными, незаконно владеющие своими землями, что в значительной мере способствовало отчужденности новгородской служилой корпорации. Интересно отметить, что в официальных документах новгородские служилые люди редко назывались детьми боярскими. Вместо этого использовался термин “новгородские помещики”. Без сомнения, это должно было подчеркивать их более низкий статус в сравнении с другими служилыми корпорациями Русского государства⁴⁴.

Обособленность новгородских детей боярских изначально имела и некоторые другие причины. Большое влияние на правовой статус новгородцев продолжала оказывать жалованная грамота, выданная Иваном III в 1478 г. Великому Новгороду. Полный текст этой грамоты не сохранился, и о ее содержании можно судить только по летописным отрывкам. В этой грамоте новгородское боярство оговаривало для себя несколько привилегий. Проблему жалованной грамоты Великому Новгороду специально рассматривал М. Н. Тихомиров, который разделил ее на 5 пунктов. По его мнению, великий князь обязался: 1) не “выводить” новгородских бояр; 2) не лишать их вотчин и недвижимого имущества; 3) не вызывать их на суд в Москву; 4) вершить суд по новгородской старине; 5) не привлекать новгородцев на службу в Новгородской земле⁴⁵.

Первые два пункта были нарушены Иваном III почти сразу же. Остальные, как считал М. Н. Тихомиров, продолжали действовать еще очень долго. С этим предположением не согласился, однако, Р. Г. Скрынников, полагавший, что после серии боярских выводов жалованная грамота утратила свое значение. С исчезновением новгородского боярства, по версии Р. Г. Скрынникова, исчез и сам субъект гарантий 1478 г., и, соответственно, московские помещики, поселенные в Новгородской земле, уже не могли претендовать на права местной знати⁴⁶.

В действительности это возражение следует отвергнуть. Новгородские помещики не только унаследовали бывшие боярские вотчины, но, в какой-то мере, стали и правопреемниками новгородских бояр. Это отразилось, в частности, в дипломатических документах. Уже после выселения последних новгородских бояр крест в доканчаниях с Ливонским Орденом и немецкими купцами целовали “новгородские бояре” Г. П. Валуев, И. И. Пушкин, И. Ф. Заболоцкий, Т. И. Картмазов. На самом деле все они не имели ничего общего с настоящей новгородской знатью времен независимости. Все они были выходцами из родов московского боярства и в Новгороде находились на положении обыкновенных помещиков, выделяясь разве что большей знатностью на фоне остальных детей боярских. Подобная ситуация не была чем-то необычным. В Вязьме, присоединенной в конце XV в. г. к Русскому государству и получившей аналогичную жалованную грамоту от Ивана III, вяземскими боярами считались С. Повадин и Ю. Шепяков, дмитровские дети боярские⁴⁷.

Упоминание новгородских бояр в дипломатических документах не было простой данью традиции. Так воспринимало новгородских помещиков и местное население. В 1571 г. летописец как важное событие выделил смерть боярыни Е. Самариной. В следующем году было вновь отмечено: “постригли боярыню Васильеву жену Разладину”. Самарины и Разладины были различными ветвями рода Квашниных и служили с новгородских поместий. В. Разладин в 1573 г. был одним из воевод под Орешком. Самарины и Разладины не входили в Боярскую Думу, не служили новгородским архиепископам, и боярами в новгородской летописи (неофициального характера) они, вероятно, были названы совсем по другой причине. Дело в том, что еще со времени новгородской независимости род Квашниных был в родстве с некоторыми старыми новгородскими боярскими фамилиями, что, несомненно, способствовало его признанию в Новгороде⁴⁸.

Очевидно, что между новгородским боярством и сменившими его новгородскими помещиками не было, да и не могло быть непреходимой грани⁴⁹.

Действительно, как это было установлено жалованной грамотой, в Новгородской земле сохранился собственный суд. Об этом можно

говорить, исходя из данных Судебника 1497 г. В перечне городов Русского государства, куда отправлялись недельщики из Москвы (статья 30), присутствует сам Великий Новгород, однако отсутствуют все новгородские пригороды: Старая Русса, Орешек, Копорье, Ям, Ладога, Великие Луки и Пустая Ржева. По всей видимости, в эти города недельщики отправлялись из Новгорода, а не из Москвы. Именно так обстояло дело в середине XVI в. Это означает, что все они подчинялись судебной власти новгородских наместников. Действительно, в жалованной грамоте старорусским тоникам, выданной после 1484 г., сумма “езда” в случае начала суда составляла одну гривну. Эта сумма не изменилась со времен новгородской независимости⁵⁰.

Новгородские дети боярские чаще всего служили на рубежах Новгородской земли, принимая участие в походах на ливонских немцев, шведов и литовцев. В первой половине XVI в. известно всего несколько случаев привлечения новгородцев к дальним походам против казанских или крымских татар.

Во всех этих походах новгородская служилая корпорация подчинялась своим воеводам, пришедшим вместе с ней из Новгородской земли. К ненавистой береговой службе на приокских рубежах новгородцы вплоть до середины XVI в. почти не привлекались. Именно на этом настаивала новгородская делегация на переговорах 1478 г.⁵¹

Еще одной особенностью новгородской служилой корпорации были огромные полномочия, которые сосредотачивали в своих руках новгородские наместники. На положение новгородских наместников влияла сложившаяся двусмысленная дипломатическая ситуация. Еще до московского завоевания Великий Новгород имел собственные дипломатические связи с Ливонским Орденом, Швецией, Ганзейским купеческим союзом. Московские князья не стали нарушать эту традицию. Московский дипломатический этикет не позволял на равных обмениваться посольствами с государствами, которые хотя бы номинально признавали свою зависимость от кого-либо. Ливонский Орден часто обращался за помощью к императорам Священной Римской империи, а Швеция, хотя и была вполне независимым государством, очень долго считалась частью Датского королевства. Все переговоры с этими странами были отданы в компетенцию новгородских наместников, что ставило их в приниженное положение в сравнении с московскими великими князьями. По определению Ивана IV, “те наши бояре и наместники утверждают мир и крепят перемирья со всеми пограничными государями с своими ближними суседы по старине”⁵². Подобная самостоятельность новгородских наместников на дипломатических переговорах сохранялась вплоть до середины XVI в.

Соответственно своему высокому положению, новгородские наместники назначались из числа самых знатных княжеских и боярских

родов. Иван IV осознанно противопоставлял родовитость новгородских наместников безродности самого шведского короля: “На нашей отчине на Великом Новгороде сидят наши бояре и наместники из вечных прирожденных великих государей дети и внучата ... А про государя вашего в розсуд вам скажем которого он роду и как он животиною торговал и в Свейскую землю пришел”. Эти слова не были простым преувеличением, свойственным Ивану Грозному⁵³.

Новгородские наместники сами отправляли посланников, выбираемых ими из новгородских помещиков и собственных людей, в окрестные государства. По своему рангу они стояли выше наместников новгородских пригородов, включая Великие Луки и Пустую Ржев, а также выше наместников близлежащих Пскова и Торопца, которые должны были при необходимости подчиняться им. Новгородским наместникам отдавал приказы непосредственно сам великий князь. Во время крупных походов новгородские наместники становились главными воеводами для всего новгородского ополчения. Другими, подведомственными им, воеводами “новгородской силы” назначались наместники новгородских пригородов вместе с наместниками Пскова и Торопца, а также представители верхушки новгородских детей боярских⁵⁴.

В первое время после ликвидации Новгородской республики в Новгороде не хватало собственных воевод, и московскому правительству приходилось присылать сюда воевод из других мест. В таких случаях в разрядных книгах специально подчеркивался пришлый характер этих воевод: “Князь великий послал *от себя* из Новгорода воевод *своих* (курсив мой. — М. Б.)”⁵⁵.

Позднее в Новгородской земле уже не ощущалось недостатка в собственных воеводах, набираемых главным образом из числа наиболее знатных новгородских детей боярских. Это еще более усиливало зависимость воевод от власти новгородских наместников.

В первые годы новгородские наместники даже пользовались правом самостоятельно “разряжать” полки, выбирая подходящих для этого воевод. Такой случай, в частности, произошел в 1501 г. во время похода на ливонских немцев. Иван III только рекомендовал наместникам взять в качестве воевод наместника Орешка князя В. Б. Туреню Оболенского и наместника Карелы князя И. И. Пужбольского. Даже эта рекомендация делалась с очень значительной оговоркой: “а будет непригоже не имати”⁵⁶. Еще большей была зависимость от власти наместников для рядовых новгородских детей боярских.

Вполне вероятно даже, что новгородские наместники имели свои собственные дворы, скопированные по образцу великокняжеского двора, куда входили лучшие из новгородских детей боярских и собственные люди наместников. Так, в 1515 г., во время встречи имперских послов, новгородским наместникам предписывалось: “звати ести детей

боярских и своих людей человек с 20". Наместник князь В. В. Шуйский упоминался с "новгородскими помещики и с людьми своими"⁵⁷.

В пользу предположения о существовании особого новгородского двора говорит также существование в Новгородской земле некоторых должностей, типичных для великокняжеского двора. Кроме дворецких, назначаемых из Москвы, в Новгороде были известны также конюшие, ясельничие и ловчие. В писцовой книге Вотской пятины 1500 г. упоминается поместье конюшего князя В. Лыкова-Оболенского. Какое-то время конюшим был также наместник И. А. Лобан Колычев. В 1514 г. обязанности конюшего выполнял Замятня К. Беззубцев, а в 1547 г. — князь С. И. Гундоров. По своему происхождению все они принадлежали к известным родам московской аристократии и явно были назначены на свои должности из Москвы⁵⁸.

Другие конюшие и ясельничие отличались большей худородностью. В конце XV в. в Шелонской пятине поместьем владели И. Тур и А. Тур Константиновы, оба названные "сыном ясельничего". После Оршинской битвы в литовский плен попал Ф. Кобец Микитин, "ясельничий Великого Новгорода", позднее почему-то названный "конюшим Великого Новгорода". В писцовой книге Шелонской пятины упоминается также поместье Ф. Вдовы Неклюдова, сына ловчего. В середине XVI в. новгородские конюшее и ясельничее считались одними из видов кормлений. В 1555 г. конюший путь в Новгороде держал Г. И. Дмитриев. В том же году на новгородское ясельничее "наехал" новгородский сын боярский Ф. В. Крюков Сорокоумов, сменивший князя А. Гагарина. Однако, в отличие от других возможных кормлений, новгородские конюшее и ясельничее не имели ничего общего с прежней путной системой, которая отсутствовала в Новгородской республике и еще недавно обозначала вполне реальную должность⁵⁹.

Новгородские конюшие, ясельничие и ловчие первоначально, скорее всего, служили при Новгородском дворе. Происхождение же самого Новгородского двора, по аналогии с двором Тверским, фигурировавшим в списках великокняжеского двора вплоть до 40-х гг. XVI в., уходит ко времени пожалования в 1499 г. Новгородского и Псковского княжества князю Василию Ивановичу, будущему Василию III. Соответственно, князь В. Лыков и новгородский наместник И.А.Лобан Колычев, возможно, были конюшими в дворе у князя Василия. При этом следует иметь в виду, что позднее должность конюшего отдавалась боярину, возглавлявшему Боярскую Думу. Вполне вероятно, что именно так дело обстояло в конце XV в. и в Боярской Думе Новгородского удела⁶⁰.

Исключительное положение новгородских наместников заставляла московское правительство принимать специальные меры для контроля их деятельности. С этой целью новгородское наместничество очень

часто делилось на две части, каждой из которых заведовал свой наместник. Это не давало возможности кому-либо из них чрезмерно увеличить свою власть и влияние в Новгороде и, одновременно, позволяло им заменять друг друга в случае начала военных действий. Кроме того, новгородские наместники находились под постоянным неусыпным надзором у назначаемых из Москвы дьяков, которые пользовались полным доверием великих князей. В отличие от новгородских наместников, менявшихся на своем посту достаточно часто, новгородские дьяки выполняли свои обязанности на протяжении чрезвычайно долгих сроков⁶¹.

Однако, несмотря на этот контроль, тесные связи, установившиеся между новгородскими наместниками и новгородской служилой корпорацией приводили к нежелательным для великокняжеской власти последствиям. Особенно отчетливо ощущалась связь новгородцев с родом князей Шуйских. Еще во времена новгородской независимости князья Шуйские часто служили Великому Новгороду. Позднее они периодически назначались новгородскими наместниками. Это сыграло свою роль в период боярского правления. Со времени смерти Елены Глинской князья Шуйские и их родственники князья Горбатые сумели закрепить за собой новгородское наместничество. В 1537 г. новгородским наместником был князь Б. И. Горбатый. В 1538 г. его сменил князь И. М. Шуйский, а в 1542 г. наместником в Новгороде был князь В. В. Шуйский⁶².

В этой связи становится понятным поведение новгородских детей боярских, поддержавших в 1542 г. боярский заговор князей Шуйских, направленный против господства в Боярской Думе князей Бельских. Новгородцы, оказавшиеся почему-то в Москве накануне переворота, “все городом” встали на сторону князя И. В. Шуйского, что в конечном итоге и привело к успеху этого начинания. Затем именно новгородских детей боярских, “наугородцев Великого Новгорода”, бояре послали к митрополиту Иоасафу Скрипицину, стороннику князей Бельских, “с неподобными речьми”⁶³.

Обособленность новгородской служилой корпорации отчетливо ощущалась современниками. Уже в 1515 г. в сражении под Оршей литовцы “детей боярских Московской земли и Новгородские земли изымаша”. Из списка пленных, составленных в Великом княжестве Литовском, становится ясно, что среди детей боярских “Московской земли” вместе с собственно москвичами были также муромцы, костромичи, боровчане, волочане, представители других служилых корпораций. Все они противопоставляются летописцем детям боярским “Новгородские земли”. Подобную позицию отражают и официальные разрядные книги. В 1547 г. в казанском походе участвовали “дети боярские Московские земли и ноугородские помещики”⁶⁴.

Новгородские дети боярские не служили вместе с дворовыми детьми боярскими из других уездов Русского государства, и вся их служба была связана с Новгородской землей. По этой причине в Новгороде не задерживались представители московской знати, получавшие новгородские поместья на время выполнения ими обязанностей наместников и воевод. Уезжая из Новгорода, они теряли свои поместья. Для них новгородская служба носила временный характер и не препятствовала дальнейшей карьере. В Новгороде надолго оставались только те, кто не имел крупных вотчин в других районах страны. Со временем из их числа образовалась верхушка новгородских детей боярских, новая новгородская знать. К середине XVI в. к элите новгородских детей боярских, судя по происхождению, служебным достижениям и размерам поместий, принадлежали: татарские новокрещены князя Тебет-Улановичи, Гедиминовичи князя Корецкие, выходцы из Ростовского княжеского дома князя Буйносовы, Щепины, Приимковы, различные ветви князей Оболенских, князя Тулуповы-Стародубские и Засекины-Ярославские, представители старомосковских боярских фамилий Колычевы, Квашнины, Бутурлины, Заболоцкие, Волынские, Плещеевы, Пушкины. Возможно, среди них были также князья Мещерские, Елецкие, Кропоткины, Путятины, бывшие тверские бояре Сназины и потомки галицких князей Осинины. В их среде к этому времени уже установилась определенная внутренняя иерархия, отражавшаяся в местнических столкновениях. Действительно, в 1540 г. на Коломне о местах между собой спорили новгородцы князя Б. Д. Корецкий и Б. А. Приимков, а также менее знатные Т. И. Заболоцкий и Ф. Г. Сназин. Позднее, в 50-е гг. XVI в., известен местнический спор посланных в Корелу помещиков Вотской пятины князей И. И. Буйносова и И. И. Селезнева Елецкого⁶⁵.

Г. А. Победимова заметила, что, оказавшись на новгородских поместьях, многие представители знати сохранили многие характерные черты родового вотчинного землевладения. В роду князей Ростовских, например, выморочные поместья передавались почти исключительно младшим родственникам, а не переходили в руки других помещиков⁶⁶.

В Новгородской земле существовало традиционное деление на дворовых и городских детей боярских. Тысячная книга, десятилетия 1556 г. и разряд полоцкого похода 1563 г. различают новгородских дворовых и городских детей боярских. Деление на дворовых и городских детей боярских, скорее всего, существовало уже при первых поместных раздачах в Новгородской земле. Как правило, известные новгородские дворовые дети боярские отличались большей знатностью и имели близких родственников в составе великокняжеского двора. Однако перечисление новгородских дворовых детей боярских в Тысячной книге (как, впрочем, и весь список новгородских тысячников) кажется доста-

точно странным. В отличие от остальных дворовых детей боярских, новгородские помещики перечисляются строго по географическому принципу, в зависимости от того, в каком погосте какой пятины располагались их владения. Скорее всего, этот список составлялся на основании писцовых книг. Действительно новгородские писцовые книги 1551–1553 гг. содержат в себе некоторые явные указания о службе новгородских помещиков, которые обычно делались к текстам служилых десятен. Это говорит о том, что в Новгороде не существовало специальных списков дворовых служилых людей, подобных тем, которые известны в Дворовой тетради, и составление этого перечня было приурочено к тысячной реформе. Статус дворовых детей боярских был, следовательно, унаследован новгородскими детьми боярскими от их предков, переселившихся в Новгород из Московской земли. Наоборот, потомки послужильцев и дворцовых слуг служили вместе с новгородскими городовыми детьми боярскими⁶⁷.

В качестве награды за службу новгородские дети боярские получали наместничества и кормления в Новгородской земле. Они же были воеводами у новгородской рати. Дальнейшее продвижение по службе для новгородских детей боярских было почти полностью исключено. Пожалуй, только дипломатические поездки в Западную Европу, функция, обычно связанная с великокняжеским двором, поручались новгородским детям боярским. В этом случае использовался богатый опыт, накопленный новгородцами во время их контактов с соседними европейскими странами⁶⁸.

Полностью сформировавшаяся в конце XV в., новгородская служилая корпорация в XVI в. почти не пополнялась за счет детей боярских из других уездов Русского государства. По наблюдениям Ю.Г. Алексеева, сравнивавшего пофамильный состав помещиков Вотской, Деревской и Шелонской пятин, в самом начале XVI в. и в 1540-е годы большая часть известных с конца XV в. родов сохранила за собой поместья. Именно эти помещики преобладали и во всей новгородской служилой корпорации. Некоторые роды вымерли, убыли представители московской аристократии, а держатели поместий по должности были заменены новыми лицами. В целом, однако, картина почти не изменилась. Перемещения служилых людей происходили чаще всего в рамках собственно Новгородской земли, из одной пятины в другую и на территории соседних уездов Северо-Запада⁶⁹.

Это обстоятельство было еще одним фактором отчужденности новгородской служилой корпорации от общей массы служилых людей. Родственные связи с новгородскими детьми боярскими, актуальные для конца XV в., в середине XVI в. уже перестали осознаваться. Наоборот, в местнических столкновениях друг с другом московские служилые люди стремились откеститься от своих захудавших по службе новго-

родских родственников. Обычной отговоркой в таких случаях была фраза, что они “родством разошлись”. В одном из позднейших местнических споров содержится указание, что “многие роды в Новгороде и новгородских случаев в дело не ставят, а которые иманы к Москве, и тем давали счет мимо Новгородских разрядов”⁷⁰.

С другой стороны, численность самих новгородских детей боярских постоянно возрастала, так что к середине XVI в. новгородская служилая корпорация заметно превосходила все остальные корпорации Русского государства. Быстро исчерпав земельные резервы собственно Новгородской земли, новгородские помещики активно колонизировали новозавоеванные территории, распространяя там поместную систему.

В середине XVI в. к новгородской служилой корпорации тесно примыкали помещики луцкие, пусторжевские, псковские и торопецкие. В казанском походе 1549 г. принимали участие дети боярские “Московские земли” и “ноугородские помещики пяти пятин и псковские помещики, и торопецкие помещики, и лутцкие, и ржевские”. Позднее в разряде полоцкого похода 1563 г. подобное разделение отразилось с наибольшей отчетливостью. В полку Ивана IV было 848 помещиков Вотской пятины (в том числе 193 дворовых детей боярских), 378 псковских помещиков и земцев (в том числе 93 дворовых детей боярских) и 210 торопецких помещиков (в том числе 95 дворовых детей боярских). Однако при общем подсчете оказалось, что “всех Ноугородских помещиков дворовых 381, городовых 1055, и обоих 1436 человек”. Таким образом, псковские и торопецкие помещики были включены в общее число “ноугородских помещиков”. Подобная операция была проделана и при подсчете служилых людей Передового полка, где вместе с собственно новгородскими помещиками разных пятин были луцкие и пусторжевские помещики⁷¹.

Это деление отразилось и в официальном Синодике Успенского собора, где перечислялись погибшие в казанских походах служилые люди. В этом Синодике в рубрику детей боярских Великого Новгорода были вписаны лучане и один псковитин⁷². Отдельно называет новгородских, псковских, луцких, пусторжевских и торопецких помещиков и Тысячная книга. В отличие от детей боярских из других уездов, эти помещики были разделены всего-лишь на 2 статьи (другие дети боярские были разделены на 3 статьи) и были записаны в самом конце списка⁷³.

Связь псковских, луцких, пусторжевских и торопецких помещиков с Великим Новгородом имела давнюю историю. Великие Луки и Пустая Ржева считались новгородскими пригородами еще во времена новгородской независимости. Поместные раздачи начались здесь, вероятно, одновременно с раздачами в Новгородской земле. Новгородские

воеводы постоянно находились в этих городах, а луцкие и пусторжевские наместники подчинялись власти новгородских наместников. Новгородские наместники и дьяки должны были разрешать тяжбы, возникающие в среде луцких и пусторжевских помещиков, и рассматривать их челобитные. Новгородские дьяки в 1556 г. конфисковывали поместья у не явившихся на службу в шведский поход новгородских, луцких и пусторжевских помещиков. Соответственно и дети боярские из этих городов постоянно участвовали в походах новгородской рати. Вместе с новгородскими детьми боярскими лучане и пусторжевцы участвовали и в поместной колонизации псковских земель⁷⁴.

Большая часть псковских помещиков происходила из новгородских пятин. Освоение псковских земель новгородскими детьми боярскими началось после псковского похода Василия III 1510 г., завершившегося ликвидацией этой феодальной республики, и продолжалось в дальнейшем вплоть до конца XVI в. Тесные связи между новгородскими и псковскими служилыми людьми сохранялись на протяжении всего этого периода. Новгородская и псковская “силы” постоянно были вместе. Уже в 1512 г. псковский наместник князь М. Горбатый “с новгородскою силою и со псковскими детьми боярскими” находился под Полоцком под общим командованием новгородского наместника князя В. Немого Шуйского. В 1515 г. новгородские и псковские рати, “скопясь во Пскове”, участвовали в походе на Бреслов. То же самое произошло и в 1519 г., когда был предпринят поход на Молодечно. Новгородские и псковские служилые люди взаимно заменяли друг друга при обороне границы. В частности, в 1535 г. “на Пскове лежало детей боярских новгородцов 100 голов”. С другой стороны, Д. Воронцов, наместник Псковский, в том же году был послан к новгородским Великим Лукам вместе с псковскими детьми боярскими⁷⁵.

Сложнее обстоит вопрос с Торопцом, отвоеванным у Великого княжества Литовского. Большое число имен торопецких помещиков содержится в дошедшем до нашего времени отрывке торопецкой писцовой книги начала 40-х гг. XVI в. Анализируя этот источник, В. Б. Кобрин насчитал всего 70 помещиков. Это число можно увеличить, если принять во внимание владельцев “боярских” дворов в самом городе Торопце, с помощью чего устанавливаются имена некоторых неизвестных отрывку писцовой книги помещиков. В частности, к списку торопецких помещиков можно добавить имена Т. Ф. Рожнова, Н. Лопатина, Ф. и М. Подчертковых, П. Мятивого Шамшова, И. Семичова, И., Г. А., Н., Ф. Л. Арбузовых, И. и Л. Объедовых, П. Лопухина, Н. Хрипунова, И. Вороного, Ф. Бедринского, С. Мартюхина, Е. и А. Чихачевых, К. и Д. С. Дюкиных, П., В. Г., Я. И. и Д. Языковых, С. Ошерина, И. Пуляева. В. Б. Кобрин полагал, что большинство торопецких помещиков происходило из старых вотчинных родов центральных уез-

дов. Не оспаривая в целом этот вывод, можно, однако, уточнить, что многие торопецкие помещики имели близких родственников среди новгородских детей боярских. В частности, это относится к известным писцовой книге Рожновым, Лопатиным, Подчертковым, Семичовым, Обиняку Сабурову, Голенищевым-Кутузовым, Лопухиным, Бедринским, Объедовым, Дюкиным, Кушелевым, Ушаковым, Игнатьевым, Козловым, Чеглоковым, Лутковским, Безсунниковым, Чихачевым, Зеленого, к которым можно добавить князей Шаховских и Ачкасовых, которые уже в конце 30-х гг. XVI в. служили по Торопцу. Это говорит о том, что основной поток поместной колонизации Торопецкого уезда шел из Новгородской земли⁷⁶.

В 1509 г. именно новгородский наместник князь Д.В. Щеня Патрикеев приводил торопчан к присяге. В Торопце нередко стояли новгородские полки, и именно новгородцы стали первыми осваивать эту новозавоеванную территорию. Первоначально этот процесс был самовольным. Новгородские помещики Языковы захватили смежные земли в Торопецком уезде, которые позднее были у них отобраны. Торопецкие дети боярские могли свободно обменивать свои поместья на новгородские. Так, в частности, известен случай обмена поместьями между новгородцем С. Кокоревым и торопчанином князем А. Г. Анбальским. Подобным образом менялись поместьями торопчане М. и Т. Ф. Рожновы и новгородец И. Обиняк А. Сабуров. В 1546 г. великокняжеские писцы одновременно описывали Великие Луки, Пустую Ржев и Торопец “у детей боярских старые поместья писали и придачи давали”. Не случайно торопецкие поместья были описаны в обжах и вытях. Новгородские наместники и дьяки рассматривали челобитные торопецких детей боярских. Псков, Великие Луки, Пустая Ржева и Торопец подчинялись новгородским дворецким, а псковские и торопецкие помещики позднее входили в новгородский Разрядный приказ⁷⁷.

Впоследствии, после присоединения Полоцка и значительной части Прибалтики, новгородские дети боярские перебираются и на эти земли, расширяя тем самым границы своей служилой корпорации. Этот процесс постоянного увеличения ее численности был вызван острой нехваткой земли для поместных раздач в границах собственно Новгородской земли. К середине XVI в. многие новгородские служилые люди не имели должного поместного обеспечения и были вынуждены искать себе поместья на новых местах. В результате этого обособленная новгородская служилая корпорация расширялась территориально и становилась все более могущественной и влиятельной.

В конце XV в. на новгородских землях было размещено немногим более 1300 помещиков. В середине XVI в., по подсчетам Г. В. Абрамовича, в Новгородской земле было уже примерно 5500–6000 помещиков, хотя, конечно, далеко не все из них несли “государеву службу”. По

данным разряда полоцкого похода 1563 г., численность новгородской служилой корпорации в середине XVI в составляла 2992 человека (вместе с 30 служилыми татарами), не считая выборных дворян, столльников и стряпчих, число новгородцев среди которых остается неизвестным. В полоцком походе принимали участие также 378 псковских (вместе с земцами), 210 торопецких, 80 пусторжевских, 150 луцких, и 144 прибалтийских (ругодивских, юрьевских, ракоборских, виленских) помещиков. Общее количество помещиков Северо-Запада вместе с годовщиками из Лаюса, Вильяна, Керепети, Новгорода, конкретная территориальная принадлежность которых не указана, достигало, таким образом, по крайней мере 4119 человек. Это примерно шестая часть всех служилых людей Русского государства в середине XVI в.⁷⁸

Многие из новгородских детей боярских уходили с великокняжеской службы и перебирались на службу к новгородским архиепископам. Архиепископский двор всегда отличался внушительными размерами. Возможно, он был бы еще больше, если бы в начале XVI в. архиепископская кафедра не оставалась свободной в течение 17 лет. Когда Макарий все-таки стал архиепископом, великий князь приказал заменить всех бояр кафедры. Архиепископский двор был серьезным соперником в борьбе за служилых людей, и московское правительство насильственными методами ограничивало его дальнейший рост⁷⁹.

Некоторые новгородские дети боярские переходили на службу к старицким князьям. Боярином князя Андрея Старицкого был И. И. Умной Колычев, владевший вотчиной в Новгородской земле. Князю Владимиру Старицкому служил И. Сысоев, казненный в 1571 г. Именно в Новгород бежал в 1537 г. князь Андрей Старицкий, который сразу же начал рассылать грамоты к новгородским помещикам, призывая их: “И вы поедьте ко мне служить, и яз вас рад жаловати”. Несмотря на позднейшие уверения московского правительства, данные в качестве наказа послам в Литву, о том, что “дети боярские в Новгород его не похотели: служат прямо государю нашему”, побег мятежного князя вызвал серьезные опасения. Отъезд князя Андрея Старицкого был настолько неожиданным, что он практически не успел взять с собой своих старицких вассалов. Однако посланному в Новгород воеводе князю Н.В.Хромому Оболенскому, родственнику князя И.В. Овчины Оболенского (видимо, Елена Глинская не слишком доверяла новгородским наместникам князю Б.И. Горбатову и М.С. Воронцову), предписывалось: “укрепясь с людьми, да и с наместники, да против князя Андрея стояти, сколько бог поможет. А нечто будет князь Андрей людьми силен добре и князю Миките быти в городе и дела великого князя беречь со владыкою и с наместники за один”. Опасения вовсе не были лишены оснований. Отряд князя Андрея Старицкого действительно стал пополняться за счет новгородских детей боярских. Об этом можно су-

дить, исходя из решительных мер великокняжеской власти, позднее расправлявшейся с мятежниками. Тридцать новгородских детей боярских во главе с А. В. и Г. И. Пупком Колычевыми, имевшими близких родственников при Старицком дворе, были повешены вдоль новгородской дороги⁸⁰.

Некоторые исследователи находят эту цифру слишком малой и говорят о неудаче удельного князя в Новгороде. Однако следует учитывать, что столь суровому наказанию подверглись только наиболее заметные и влиятельные дети боярские, примкнувшие к князю Андрею Старицкому. Казнены были далеко не все его сторонники. Известно, например, что Ф.С.Колычев, будущий митрополит Филипп, успел вовремя постричься в Соловецкий монастырь и избежал наказания. Кроме того, многие новгородские дети боярские как раз в это время “пошли на службу”, где они находились под присмотром воевод и не могли участвовать в мятеже. К тому же, цифра в 30 казненных не так уж мала для русского средневековья. Так, в заговоре Владимира Гусева смертью были наказаны только 6 его участников⁸¹.

Мятеж князя Андрея Старицкого отчетливо показал слабость позиций московского правительства в Новгороде. С этого времени оно не могло уже с прежней беспечностью относиться и к верхушке новгородских детей боярских, чье влияние в Новгороде могло привести к совершенно нежелательным последствиям. Родственная близость между Колычевыми, владевшими поместьями в Новгороде и служившими старицким князьям, была одним из факторов, повлиявших на поведение новгородских служилых людей во время этого мятежа. Опасения московского правительства должны были только усилиться после боярского переворота 1542 г., когда новгородские дети боярские единодушно поддерживали князей Шуйских. Поддержка многочисленной и замкнутой новгородской служилой корпорации становилась одним из решающих факторов в боярских столкновениях, что могло в корне изменить политический расклад внутри Русского государства. Еще более наглядно это продемонстрировали казанские походы Ивана Грозного. Согласно Летописцу начала царства, во время казанского похода 1552 г. “многу же несогласию бывшу в людех, дети боярские ноугородцы ... бьют челом, что им невозможно столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывших да толику долготу пути идти, а там на много время стоять”. Это заявление новгородских детей боярских едва не привело к срыву всего похода⁸².

Недовольство новгородцев имело вполне понятные основания. В челобитной Ивану IV они указали, что многие из них несут “государеву” службу “безпоместные”. Судя по сохранившимся от 50-х гг. XVI в. документам, многие новгородские дети боярские действительно испы-

тывали остройшую нехватку земли и не могли выполнять свою службу. При этом из-за очередной порчи монеты между 1535 и 1546 гг. обежная дань (4,66 деньги с обжи), поступающая со всех поместий в пользу великого князя, была увеличена почти в 2 раза, хотя хлебные цены остались без изменения⁸³.

Все это показывало насущную потребность решения “новгородского вопроса”, необходимость кардинального изменения внутренней структуры новгородской служилой корпорации. Для достижения этой цели следовало устранить становящуюся все более опасной обособленность новгородских детей боярских.

Московское правительство стало проявлять признаки беспокойства положением в Новгороде уже в 30-е гг. XVI в. Еще в 1531 г. Василий III заставил новгородцев целовать крест великой княгине Елене Глинской и новорожденному наследнику Ивану. Присяга была повторена и в 1534 г., после смерти самого великого князя. На следующий год началась русско-литовская война, и король Сигизмунд отправил в поход перебежчиков князя С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого. Как только весть об этом достигла Москвы, в Новгородскую землю были посланы И. И. Беззубцев и М. П. Головин. И.И. Беззубцев должен был вновь привести к присяге новгородских наместников князя Б. И. Горбатого и М. С. Воронцова, а М. П. Головину поручалось “також к присяге приводити наместников псковских ... и детей боярских пскович и земцов”. Присяга царю и великому князю Ивану Васильевичу была повторена новгородцами и в 1554 г., после известного династического кризиса. Помимо этого применялись и другие меры. Новгородские наместники очень часто сменяли друг друга, не успевая закрепиться на своем месте. Это вызывало протесты шведского короля, вынужденного вести с ними дипломатические переговоры, не приводившие к серьезным последствиям⁸⁴.

Одновременно были начаты новые поместные раздачи в Новгородской земле. В ходе “большого поместного верстанья”, сопровождавшегося новыми писцовыми описаниями, в Новгородской земле было создано значительное число новых поместий, а многие из “старых” помещиков получили придачи к своим поместьям. В сравнении с писцовыми книгами конца XV — начала XVI в., в это время значительно возросло число помещиков. Наибольшие изменения затронули Бежецкую и Обонежскую пятины. В Тверской половине Бежецкой пятины было испомещено в ходе переписи 17 служилых людей, создано 7 новых поместий, 154 помещика получили земельные прирезки к своим поместьям. Обонежская пятина в конце XV в., по всей видимости, вообще не была затронута процессом поместных раздач, а поместная колонизация этой пятины началась уже в 30-е гг. XVI в. Согласно писцовой книге 1563 г., здесь проживало

только второе поколение помещиков. Достаточно серьезными были изменения и в других пятинах. В Деревской пятине, например, придачи получили 122 человека (32% всех помещиков этой пятины). Эти меры несколько приостановили процесс земельного раздробления среди новгородских помещиков и, одновременно, практически полностью исчерпали свободный земельный фонд для новых раздач. Проблема с неизбежностью должна была вновь возникнуть в 50-е гг. XVI в. Следует отметить также появление в Новгородской земле в это время новых служилых фамилий из центра страны, что должно было несколько видоизменить генеалогический состав новгородских помещиков и восстановить их связи с центральными уездами. Эти новые пожалования не носили, однако, массового характера⁸⁵.

Можно заметить, что попытки реформ в конце 30-х — начале 40-х гг. XVI в. проводились с помощью традиционных методов. Крестоцелование и постоянные замены наместников явно не в состоянии были решить существовавшую проблему обособленности новгородской служилой корпорации, а новые земельные раздачи вели только к ее экстенсивному расширению и отсрочивали необходимость изменения ее структуры. Более многообещающими были попытки привлечь новгородских детей боярских к дворовой службе.

В 1538–1540 гг., сразу после мятежа князя Андрея Старицкого, целая группа новгородских помещиков упоминается в разрядных книгах с пометой “А из Новагорода помещики” в качестве полковых голов при воеводах на Коломне. Среди них были князья Б. Д. Корецкий, Б. А. Примков, И. И. Буйносов, А. и Я. И. Квашнины, И. Б. Ляпун Осинин, Ф. С. Колычев, В. И. Мешок Квашнин, Т. И. Закалин Бутурлин, Т. И. Заболоцкий, Д. И. Лошаков, Ф. Г. Сназин. Эта служба обычно поручалась детям боярским великокняжеского двора. Вполне вероятно, что московское правительство намеревалось таким образом начать привлечение новгородских детей боярских к дворовым “службам и посылкам”. Интересно отметить, что почти все из названных в этих разрядах новгородцев либо сами впоследствии стали тысячниками, либо были отцами и старшими братьями тысячников из Новгородской земли. Тысячниками, в частности, были князь И. И. Буйносов, В. И. Мешок Квашнин, Ф. Г. Сназин, а также сыновья князя Б. А. Приимкова и младший брат Т. И. Заболоцкого. Вполне вероятно, что подобные действия были прообразом будущей тысячной реформы. Однако последовавшие вскоре политические изменения быстро свели на нет это начинание. Последний раз новгородские дети боярские были упомянуты на Коломне в 1540 г. и затем уже не привлекались к дворовой службе вплоть до реформ Избранной Рады⁸⁶.

Более результативные меры были приняты правительством Избранной Рады в 1550 г. 30 декабря 1550 г. “царь и государь князь великий

Иван Васильевич в Великом Новгороде порушал ряды и грамоты рядовые собрал в казну". Это автоматически привело к устранению всех привилегий новгородцев, в том числе и полученных новгородским боярством в 1478 г. После этого стало возможным проведение в Новгороде тысячной реформы. Среди отобранных 1078 детей боярских, которые должны были стать основой для нового Государева двора", было 324 новгородских, псковских, пусторжевских, луцких и торопецких помещиков. (В действительности в Тысячной книге было записано 327 помещиков Северо-Запада. Оставшиеся три человека, очевидно, были приписаны к тексту Тысячной книги позднее). Это составляло более трети от общего числа. С этого времени новгородские дети боярские начинают постоянно встречаться в разрядных книгах (примечательно, что подавляющее большинство новгородских тысячников до 1550 г. вообще не встречались в разрядных книгах) на должностях воевод и голов в полках, иногда, вдали от Новгородской земли⁸⁷.

Состав отобранных тысячников Северо-Запада страны имел одну очевидную особенность. В отличие от других служилых корпораций, среди них были как дворовые, так и городовые дети боярские. Из Вотской пятины тысячниками стали 15 городских детей боярских (в сравнении с числом дворовых детей боярских-тысячников — 37,6%), из Деревской — 16 (55,1%), из Шелонской — 9 (22%), из Бежецкой — 24 (160%), из Обонежской — 10 (142,9%), из Пскова — 25 (67,6%), из Великих Лук — 6 (200%). И. Мятлев считал, что появление городских детей боярских среди новгородских тысячников было следствием общей худородности новгородских детей боярских. Действительно, можно заметить, что наибольшее число городских детей боярских в процентном отношении к числу дворовых детей боярских-тысячников было взято в избранную тысячу из Бежецкой и Обонежской пятин, где крупные поместные раздачи проходили сравнительно недавно и где общее число дворовых детей боярских было крайне незначительным. Однако не следует слишком уж преувеличивать худородность новгородских детей боярских. Согласно полочному разряду 1563 г. в Вотской пятине было 193 дворовых детей боярских. Трудно предположить, что в 1550 г. здесь служил всего только 41 дворовый сын боярский, годный к службе в составе Государева двора. Анализ новгородских писцовых книг и Синодика Успенского собора, перечисляющего имена убитых в казанских походах новгородцев, показывают, что здесь было достаточное число знатных фамилий, которые не попали в число тысячников.

Скорее всего, эта непропорциональность объясняется другими причинами. Новгородские городовые дети боярские в этом случае осознанно противопоставлялись дворовым детям боярским. Увеличение значения городских детей боярских должно было поколебать позиции сформировавшейся новгородской знати и обеспечить дополнительную под-

держку позициям московского правительства в Новгороде. Характерно, что в боярской книге 1556 г. знатный выходец из ростовского княжеского дома князь И. Д. Щепин, владевший поместьем в 30 обож, был записан в 20 статье, в то время как худородный городской сын боярский С. Нагаев, владевший поместьем в 23 обжи, числился уже по 16 статье⁸⁸.

В русле этой политики можно также рассматривать процесс постепенного удаления некоторых первостепенных родов новгородских служилых людей из Новгородской земли. Нетрудно заметить, что в Тысячной книге среди новгородцев было записано очень мало представителей рода Колычевых. Вполне вероятно, что это было следствием их крамольного поведения во время мятежа князя Андрея Старицкого. Новгородские помещики Колычевы, сохраняя за собой новгородские поместья, в 50-е гг. XVI в. служили по центральным уездам Русского государства. Г. И. Немятый Колычев по боярской книге 1556 г. владел одновременно крупным поместьем в Новгороде и небольшой вотчиной под Москвой. Однако в Дворовой тетради он был записан как московский сын боярский. По Москве служили также и сыновья новгородских помещиков Г. и Ф. С. Колычевых. Неудавшаяся попытка отъезда в Литву князя С.В.Ростовского вместе со своими родственниками в 1553 г. привела к конфискации новгородского поместья князя В. В. Волка Ростовского и к опале князя И. И. Буйносова. После этого князь В. В. Волк Ростовский был переведен с новгородской службы и приписан к списку князей Ростовских в Дворовой тетради. Подобным образом по Москве служили новгородцы А. Безнос и Г. С. Циплятевы⁸⁹. Известно, что крупное дорогобужское поместье в начале 50-х гг. XVI в. было пожаловано князю И. Б. Корецкому. Поместьем в Вязьме, согласно вяземской писцовой книге конца 50-х гг. XVI в. владел князь Ф.Ю.Оболенский. Его поместье в Вотской пятине после этого перешло к другим владельцам. Сам он вместе с братом Михаилом в Дворовой тетради значился уже среди князей Оболенских⁹⁰.

Новгородские помещики действительно вошли в состав Государева двора и получили возможность наравных с остальными детьми боярскими продвигаться по лестнице чинов. Некоторые из них сумели реально повысить свой статус и даже проникнуть в Боярскую Думу (князь Ф. М. Черный Оболенский стал в 60-е гг. XVI в. боярином). Примечательно однако, что подобные случаи не изменяли ситуации внутри самой новгородской служилой корпорации. Тысячники-новгородцы, получая поместья в "городах Московской земли", теряли свои собственные новгородские владения и, как правило, порывали свои старые связи с Новгородской землей, что явно не способствовало укреплению новых связей новгородской служилой корпорации со служилыми людьми из других уездов страны. Характерно, что тысячники из других служилых корпораций, получившие подмосковные помес-

тъя в 1550 г., сохраняли свои владения и традиционные связи в своих прежних корпорациях и тем самым как бы представляли их интересы внутри Государева двора. Новгородские тысячники, большинство которых просто не получило причитающихся им подмосковных поместий, наоборот, сохранили свою прежнюю обособленность. Для подавляющего большинства из них ничего не изменилось. А.П.Павлов показал, что даже в разрядных книгах среди полковых голов новгородские дети боярские выделялись отдельной группой, находясь в самом низу списка и не смешиваясь с остальными детьми боярскими. Начавшаяся Ливонская война заставила сосредоточить основные усилия московского правительства на западном направлении. Соответственно, большинство новгородских детей боярских стало выполнять службу на ливонской границе Новгородской земли, как это было в первой половине XVI в. Будучи членами Государева двора, новгородцы стали регулярно получать наместничества и кормления в Новгородской земле, что только увеличивало здесь их влияние. В это время почти все новгородские пригороды имели в качестве наместников новгородских тысячников⁹¹.

Вместе с тем, правительство Избранной Рады не сумело разрешить проблему нехватки земель для поместных раздач, что ставило многих новгородских помещиков в безвыходное положение. Поместные раздачи 50-х гг. XVI в. производились в основном за счет выморочных и отписанных поместий, что увеличивало процесс земельной мобилизации, но нисколько не способствовало решению земельной проблемы в целом. Новые поместья в это время создаются только в Бежецкой пятине, где были испомещено около 30 казанских татар. Делопроизводственная документация Новгородского Разряда в 50-е гг. XVI в. была переполнена челобитными с просьбами о земельной прирезке, часть из которых правительство было просто не в состоянии удовлетворить. При этом новгородская служилая корпорация начала постоянно привлекаться к разорительной и тяжелой “береговой” службе на южных рубежах страны, что приводило к дополнительным тратам⁹².

Сохранялись и многие традиционные права новгородских наместников. В 1556 г. новгородский наместник князь Д.Ф.Палецкий посылал к шведскому королю “своего посланника” Никиту Кузьмина, а после начала русско-шведской войны Иван IV приказал “бояром и наместником с наугородской ратью ити на Гастава короля к Выборгу”. Иван IV по-прежнему не доверял новгородским служилым людям. Характерно, что в учрежденном в 1565 г. опричном корпусе не было ни одного новгородского сына боярского⁹³.

Таким образом, обособленность новгородской служилой корпорации была обусловлена целым рядом причин, многие из которых были следствием ошибок и компромиссов, допущенных великокняжеской

властью при завоевании и поместном освоении Новгородской республики. Новгородская земля была первым и далеко не самым удачным опытом форсированной поместной колонизации. Торопливые, скоропалительные и необдуманные действия конца XV в. в дальнейшем только усугублялись отсутствием сколько-нибудь значимого последовательного реформирования новгородской служилой корпорации вплоть до середины XVI в. при постоянном росте ее численности и распространении ее влияния на ряд соседних уездов. Вместо того, чтобы действительно заняться кардинальной перестройкой, московское правительство предпочло сохранять существовавшую обособленность новгородских помещиков от общей массы служилых людей и не обращать внимания на проблемы, наблюдавшиеся в их среде. Попытки реформ, проводившиеся здесь с конца 30-х гг. XVI в., шли в русле традиционной политики, и не имели успеха, только на время снимая проблему земельного голода. Правительство Избранной Рады вновь попыталось разрешить “новгородский вопрос”, но не сумело этого сделать за короткий промежуток времени с начала 50-х гг. XVI в. и до вступления Русского государства в Ливонскую войну, которая еще более усилила стоявшую на повестке дня задачу устранения новгородской обособленности. Как и в конце XV в., московскому правительству и лично Ивану Грозному требовались лишь быстрые результаты. В условиях же военного времени курс постепенного реформирования был просто невозможен. Для быстрого и эффективного, хотя и временного, разрешения “новгородского вопроса” Иваном Грозным были выбраны другие, более решительные и жестокие меры. Неудача начинаний Избранной Рады предопределила в его глазах необходимость кровавого опричного разгрома Новгорода в 1570 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.;Л., 1961. С.303–307; ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т.25. С.317; *Абрамович Г.В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1975. С.18–20.

² *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1960. С.304.

³ *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.;Л., 1949. Т.1. С.290–295; АИСР. Л., 1971. Т.1. С.336–337; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.18.

⁴ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С.162, 175, 183, 195.

⁵ *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С.151–152; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.25–171.

⁶ *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.123; Устюжский летописный свод. М.;Л., 1950. С.102. Только в 1488 г. Иван III перевел из Новгорода “многих бояр и житних людей и гостей, всех голов болши тысячи”.

⁷ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1988. С.91–93,

100–101; *Зимин А.А.* Из истории поместного землевладения на Руси // ВИ. 1959. №11. С.34–52.

⁸ АИСЗР. Т.1. С.237. В позднейших писцовых книгах Бежецкой пятины специально подчеркивалось, какие из прежних владений представители московской аристократии держали на правах поместья. См.: НПК. СПб., 1859. Т.2. С.263; СПб. 1861. Т.1. С.730; *Лихачев Н.П.* Родство Колычевых с новгородцами // ИРГО. СПб., 1900. Вып.1. С.120–123. Вотчина И. В. Ляцкого была конфискована после его побега в Литву. Колычевы потеряли свою новгородскую вотчину в годы опричнины.

⁹ *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.38–52.

¹⁰ АИСЗР. Л., 1974. Т.2. С.24–26; НПК. СПб., 1905. Т.5. С.423; ДАИ. СПб., 1846. Т.1. С.111.

¹¹ Уже в 1502 г. князь А. Кропоткин был одним из воевод, направленных в Свейскую землю. Другой новый новгородский помещик, князь Д. С. Корецкий, в том же году был отмечен в разрядах следующей записью: “Люди были всех пятин опричонно князя Данила Семенова Корецкого с братью”. Позднее как воевода новгородской рати известен князь Б. Тебет Уланович.

¹² *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.98–100, 169–170; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С.163–177.

¹³ *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С.122. К концу 90-х гг. XV в. в Новгородской земле было уже 1064 владельца поместий.

¹⁴ НПК. Т.1. С.703–705; Т.2. С.465–467, 471, 476, 480–485, 486–488. Такой же принудительный обмен землями был произведен и с новоторжцами, получившими взамен своих вотчин поместья в Новгороде.

¹⁵ *Загоровский В.П.* История вхождения центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С.22; ДДГ. М., Л., 1950. №76. С.286; №89. С.354; №94. С.376; ТКДТ. М., 1950. С.173.

¹⁶ ДДГ. №76. С.286; №89. С.356. Часть князей Мещерских перешла на службу в Волоцкий удел.

¹⁷ *Мятлев И.В.* Князья Мышецкие // ИРГО. СПб., 1911. Вып. 4. С.95.

¹⁸ *Самоковасов Д.Я.* Архивный материал. М., 1905. Т.1. Отд. 1. С.224–237. Некоторые из этих луховцев не усвоили к концу XV в. даже родовых фамилий, а один из них, И. Попович, видимо, происходил из числа священников.

¹⁹ *Лихачев Н.П., Мятлев И.В.* Тысячная книга. Орел, 1911. С.86; Наказ о расследовании убийства сына боярского 1593 г. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С.339; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.128.

²⁰ НПК. Т.2. С.784; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.44. Позднее князья Шаховские были всем родом переселены в Торопец.

²¹ *Зимин А.А.* Формирование... С.232; *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1978. Вып.9. С.185.

²² *Зимин А.А.* Формирование... С.270–271.

²³ НПК. Т.1. С.107, 457, 475; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С.66, 68.

²⁴ *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга. С.190; *Базилевич К.В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // ИЗ. М., 1945. Т.14. С.70. К. В. Базилевич допускал даже возможность опалы В. Ф. Образца Симского после 1485 г. в связи с прекращением сведений о его деятельности. Это, однако, могло быть вызвано старостью, а не опалой.

²⁵ *Зимин А.А.* Формирование... С.306; *Самоковасов Д.Я.* Архивный материал... Т.1. Отд.1. С.104–105.

²⁶ АИСЗР. Т.1. С.20; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.46. В 1482 г. поместье Хомутова было пожаловано уже новым помещикам — Воробиним.

²⁷ АСЭИ. М., 1964. Т.3. №406. С.419; ВОИДР. М., 1851. Кн.11. Ч.2. С.4.

²⁸ *Зимин А.А.* Формирование... С.31–32.

²⁹ *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга... С.182–185; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С.62,148. В земельном списке Бежецкой пятины упоминается Я. Черный Пущин, звенигородец. См.: АСЭИ. Т.3. №398. С.415.

³⁰ Сб. РИО. СПб., 1882. Т.35. С.138; Новгородский помещик М.П.Шепаков был родным братом дворового сына боярского Ю.П.Шепакова. См.: ТКДТ. С.85.

³¹ *Баранов К.В.* Легенды XVII в. о родоприсхождении новгородцев Апрельских, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: (Чтения памяти В.Б.Кобрина): Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С.33–35.

³² АИСЗР. Т.2. С.36.

³³ *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга. С.193. При этом подсчете не были учтены 173 ивангородца, набранные из послужильцев новгородских бояр и занимавшие переходное положение между помещиками и кормленщиками.

³⁴ *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга. С.178; НПК. Т.5. С.13,14,18,54,60,61.

³⁵ НПК. Т.1. С. 124–126,475,869; Т.2.С.104–116,158,160,162,175,178,291–296.

³⁶ НПК.Т.1.С.187–189,301–306,869,871–874,889–894,896–899; Т.2.С.178,456,459. В Деревской пятине поместьями владели также Колокольцевы, в “Поганой книге” приписываемые к послужильцам И.И.Салтыка Травина.

³⁷ НПК. СПб., 1868. Т.3. С.751,549.

³⁸ *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Т.1. Отд. 2.С.224–237; Писцовые книги Новгородской земли. М.,1999. Т.1. С.239; НПК. СПб., 1910. Т.6. С.431,537,539–542,753. С. Соболев Бирилев владел “старым” поместьем.

³⁹ ДДГ. №86. С. 345–349; НПК. Т.1. С.773–775; СПб., 1886. Т.4. С. 260, 325, 326, 345, 354, 360, 365, 459, 464–469; Т.5. 645,646; Т.6. С.308,311,312,470,476,479–489,492,501,502,572–574,575; ВОИДР. Кн.11. Ч.1. С.115.

⁴⁰ Торопецкая писцовая книга 1540 г. // АЕ за 1963 год. М.,1964. С.283.

⁴¹ По позднейшим родословным пасквилям, из числа послужильцев происходили также коломенские и каширские дворовые дети боярские Лихаревы. Очевидно, в конце XV в. Иван III действительно переселил в Коломенский уезд достаточное число бывших послужильцев, хотя Лихаревы определенно не входили в их число.

⁴² Новгородские помещики Палицины (Палицины) неизвестны родословной росписи этого рода. В отличие от своих однофамильцев, они служили среди новгородских городских детей боярских. То же самое можно заметить и относительно Козодавлевых. Подобно Шамшовым, по Торопцу позднее служили также Ачкасовы.

⁴³ *Лихачев Н.П., Мятлев Н.В.* Тысячная книга... С.214.

⁴⁴ РК. 1475–1598 гг. М.,1966.С. 285

⁴⁵ ПСРЛ. Т.25. С.318; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М.,1962. С.279,280.

⁴⁶ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб.,1992. С.357–358.

⁴⁷ СГГид. М.,1894. Ч.5. №85. С.60; №95. С.94; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.,1969. 39,230,331. А.Рудный Картмазов в 1493 г. был одним из воевод в походе на Великие Луки. См.: Сб. РИО. Т.35. С.268.

⁴⁸ Новгородские летописи. СПб., 1879. С.106; *Мятлев Н.* Родство Квашниных с новгородцами // ИРГО. СПб., 1909. Вып.3. С.36–60.

⁴⁹ Кроме Квашниных, в родстве со старыми новгородскими фамилиями состояли также Колычевы, Ляжкие, Наумовы.

⁵⁰ ПРП. М.,1955. Вып.3. С.351; ДАИ. Т.1. С.122. В разряде полоцкого похода 1563 г. отдельно упоминаются новгородские неделщики. См. также: АСЭИ. Т.3. №27. С.31. Сумма “езда” до самого Великого Новгорода составляла 2 рубля 50 копеек.

⁵¹ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С.280.

⁵² Сб. РИО. СПб., 1910.Т.129. С.20.

⁵³ Там же. С.20, 39–40.

⁵⁴ Например, в походе 1521 г. новгородскую рать возглавляли новгородские наместники царевич Федор и окольничий М. В. Тучков, псковский наместник князь П.

С. Ряполовский и луцкий наместник князь И. М. Шамин. Другими воеводами были новгородские дети боярские.

⁵⁵ РК 1475–1598 гг. С.27.

⁵⁶ Там же. С.32.

⁵⁷ ПДС. СПб., 1851. Т.1. С.174.

⁵⁸ НПК. Т.3. С.19; РК 1475–1605 гг. М., 1978. Т.1. С.320; *Зимин А.А.* Формирование... С.176,190.

⁵⁹ НПК. Т.4. С.116–118; АЗР. СПб., 1848. Т.2. С.117,163; ДАИ. Т.1. С.118–119, 135; Архив историко—юридических сведений, относящихся до России. М., 1861. Кн.3. Отд.2. С.64.

⁶⁰ Сб. РИО. СПб., 1887. Т.59. С.144; *Каишанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С.122. Если И. Лобан Колычев действительно служил князю Василию Ивановичу, то весьма примечательно, что Боярскую Думу Новгородского удела возглавлял новгородский наместник, назначенный из Москвы Иваном III.

⁶¹ *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С.80–81; *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С.212–215.

⁶² *Пронштейн А.П.* Великий Новгород. С.265–266.

⁶³ ПСРЛ. М., 1965. Т.13. С.141.

⁶⁴ Там же. С.22; АЗР. Т.2. С.117,163–166; РК 1475–1598 гг. С.120.

⁶⁵ РК 1475–1598 гг. С.31–33,39,48,52,55,59,61,64,67,68,70,86,94–96; АИСЗР. Т.2. С.37–38,197; РК 1475–1605 гг. Т.1. С.506.

⁶⁶ *Победимова Г.А.* Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С.65.

⁶⁷ ТКДТ. С.83,87,93,98.

⁶⁸ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С.302–304,308.

⁶⁹ АИСЗР. Т.2. С.242. Некоторые из новых фамилий служилых людей, указанные Ю. Г. Алексеевым, появились в Новгородской земле уже в начале XVI в.

⁷⁰ *Мятлев И.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С.4–6.

⁷¹ РК 1475–1598 гг. С.120; Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. С.33,35–36.

⁷² ДРВ. М., 1788. Ч.6. С.478–479.

⁷³ ТКДТ. С.82.

⁷⁴ ДАИ. Т. 1. С.72–73, 150.

⁷⁵ Псковские летописи. М., 1955. Вып.2. С.97,98,100; АИСЗР. Л., 1978. Т.3. С.95; АЗР. Т.2. С.332.

⁷⁶ *Торопецкая писцовая книга...* С.283,304,317–357; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность... С.130; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.212. К Новгородской земле имели отношение также, возможно, Арбузовы и Пуляевы.

⁷⁷ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность... С.127–130; РК 1475–1598 гг. С.42; *Торопецкая писцовая книга...* С.336,346; НПК. Т.6. С.35,36; ДАИ. Т.1. С.91,108.

⁷⁸ Витебская старина. Т. 4. С.27–28.

⁷⁹ *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1960. Т.4. С.281,293; *Самокасов Д.Я.* Архивный материал. Т.1. Отд.2. С.187,189,191.

⁸⁰ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С.534; ПСРЛ. Т.13. С.95; Сб. РИО. Т.59. С.117; *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М., 1958. С.58–60; Возможно, в этой расправе пострадали также и другие Колычевы, владевшие поместьями в Новгородской земле.

⁸¹ *Смирнов И.И.* Очерки политической истории... С.60; *Зимин А.А.* Опричнина... С.225.

⁸² ПСРЛ. М., 1965. Т.29. С.85.

⁸³ Там же. С.85; ДАИ. Т.1. С.86, 88, 92, 102; АИСЗР. Т.2. С.23–24. В Бежецкой и Вотской пятинах обежная дань увеличилась на 4 деньги. В Деревской и Шелонской пятинах дополнительному обложению в 6 денег были подвергнуты только прибавочные земли.

⁸⁴ Новгородские летописи. С.125, 126; АЗР. Т.2. С.332; Сб. РИО. Т.129. С.35.

⁸⁵ АИСЗР. Т.2. С.82,117,146–148,196–197,262.

⁸⁶ РК 1475–1598 гг. С. 94, 96, 98; ТКДТ. С. 82,83,84,91. Очевидно, по возрасту не попали в Тысячную книгу дети Я. И. Квашина, И.Б. Ляпуна Осинина, Д. И. Лошакова, Т. И. Заболоцкого. Все они позднее служили в качестве голов при воеводах, то есть входили в состав Государева двора.

⁸⁷ Новгородские летописи. С.128; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.,1992. С.92.

⁸⁸ *Мятлев Н.* Тысячники... С.62.

⁸⁹ *Зимин А.А.* Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. //АЕ за 1963 год. М., 1964. С.65–67. Возможно, наличием подмосковных вотчин объясняется то обстоятельство, что новгородцы Колычевы могли выполнять обязанности придворную службу вдали от Новгородской земли. См.: ТКДТ. С.120; *Веселовский С.Б.* Исследования... С.390.

⁹⁰ ДАИ. Т.1. С.98; РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.619. Л.715; ТКДТ. С.119.

⁹¹ *Смирнов И.И.* Очерки политической истории... С.317–321; *Павлов А.П.* Государев двор... С.93.

⁹² ДАИ. Т.1. С.107; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.265.

⁹³ Сб. РИО. Т.59. С.536; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год.М.,1960. С.21–91. Новгородцы стали попадать в опричный двор уже после 1570 г.

Г.Н. ЧАГИН

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И ПЕРМСКИЕ ЗЕМЛИ В XI–XV ВВ.

Ознакомление русских людей с Уралом и его народами начинается, судя по летописным записям, с походов князей Великого Новгорода не позднее конца XI в. По речным путям и волокам они шли к западному склону Урала, чтобы завладеть лесами и горами, богатыми пушным зверем и разными рудами.

Об одном из первых походов новгородцев рассказал киевскому летописцу Гурята Рогович в 1096 г.: “Вот я хочу рассказать, что слышал четыре года тому назад, как рассказывал мне Гурята Рогович, новгородец, в таких словах: “Послал я отрока (в то время отроками назывались дружинники, участвовавшие в военных походах и в сборе дани. — Г.Ч.) своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду; пришел мой отрок к ним и оттуда пошел в Югру. Югра — народ, говорящий непонятно, и живет в соседстве с самоядью в северных странах. Югра рассказывала моему отроку: удивительное мы встретили новое чудо, о котором мы до сих пор не слыхивали, а началось это третий год. Есть горы, заходящие в морскую луку, им же высота до небес; в тех горах — громкий крик и говор, и прорубая гору, желая прорубить; в той горе высечено оконце маленькое, и оттуда говорят, но нельзя понять языка их, но показывают на железо и махают рукой, прося железо. Если кто даст им железо — нож или секиру, то они взамен дают звериные шкуры. Путь к